



*Ф. ХАУСТОВ,
работник военной организации
большевиков*

В ОКТЯБРЕ

Стояли сырые холодные осенние дни 1917 года. В квартирах Петрограда уже две недели топились печи, а одиночная тюрьма «Кресты» всё еще не отапливалась. Сыро и зябко было в камерах. Настойчивые требования заключенных большевиков к начальнику тюрьмы — отапливать камеры — не приводили ни к чему. Начальник тюрьмы, называвший себя эсером, — авантюрист, взяточник и подхалим — намеренно оттягивал отопление здания несмотря на то, что внутренний двор был завален штабелями дров и угля. Тогда на летучем митинге заключенные решили устроить демонстрацию протеста.

И вот разом во всех камерах загремели о пол и двери табуреты, столы — всё, что было тяжелого под руками. Гулом и шумом наполнилась тюрьма. Начальник тюрьмы и дежурный офицер, командовавший взводом казаков, охранявших тюрьму, трусили не на шутку. Они ввели казаков в тюремный коридор.

Тюрьма имела три этажа с одним общим на все три пролета коридором. У каждого этажа тюрьмы перед входом в камеры — узкая, отгороженная легкой железной решеткой дорожка-балкон, выходящая в коридор. Всё сделано так, чтобы тюремная стража легко могла наблюдать за заключенными.

Большинство заключенных большевиков были сол-

даты. Камеры находились на втором и третьем этажах. Солдаты вышли из камер и, стоя у перил, потребовали от начальника тюрьмы вызвать прокурора.

В ответ на это начальник тюрьмы и казачий офицер выхватили из кобур револьверы и пригрозили:

— Разойдись по камерам. Иначе всех перестреляем!

Солдаты продолжали стоять. Тогда офицер с перекосившимся от злобы лицом повернулся к казакам и скомандовал:

— По бунтовщикам, взвод...

Казаки взяли на изготовку, и в тюремной тишине четко шелкнули затворы. Солдаты стали медленно расходиться по камерам. Балконы опустели. Два надзирателя быстро заперли одиночки на замки.

На время тюремный режим ухудшился. Но протест всё же не прошел бесследно.

Петроградский Совет, куда после сентябрьских выборов вошло много рабочих и солдат-большевиков, настойчиво потребовал улучшить положение арестованных. Министр юстиции Зарудный уступил и приказал начальнику тюрьмы отапливать «Кресты».

Однако и после этого тюрьма не отапливалась больше недели. Да и после топки в камерах всё еще было холодно и сыро.

Монархисту Пуришкевичу и николаевскому министру Хвостову в тюрьме Керенского жилось несравненно лучше, чем большевикам. Благодаря щедрым взяткам начальнику тюрьмы черносотенцев перевели на «больничное» содержание в отдельное двухэтажное здание во дворе тюрьмы и там поместили в просторные, теплые комнаты, обставленные дорогой мебелью. Родственников и знакомых на свидания с ними пускали беспрепятственно, разрешали подолгу без контроля вести беседы. Передачи попадали к монархистам без задержек.

Начальник тюрьмы, эсер, восторгался Пуришкевичем и часто заходил к нему побеседовать «по душам». Их взгляды на политические события совпадали.

Настроение у заключенных большевиков было бодрое. Эту бодрость в нас поддерживали доносившиеся с воли вести о том, что попытка Временного правительства после июльских дней разгромить большевистские и рабочие организации потерпела крах. С величайшей радостью следили мы за тем, как под руководством Центрального

Комитета большевиков мощно росли большевистские организации рабочих и солдат, как они сплачивались и готовились к решительной боевой схватке с буржуазией. Возрождение большевистской печати усиливало и оформляло движение. Через газеты и от рабочих, солдат и матросов, навещавших нас, мы узнавали, что и в широких бедняцких крестьянских массах неудержимо растут революционное движение и симпатии к большевикам.

Каждый день приносил что-нибудь новое, волнующее, радостное.

Шестой съезд партии, письмо Ленина и решение Центрального Комитета о вооруженном восстании... Всё это давало настоящую, большую радость, которую вместе с рабочими, матросами и солдатами переживали и мы, заключенные в тесные казематы.

Из 12-й армии сообщили, что более пятидесяти полков и частей готово с оружием в руках по зову Центрального Комитета большевиков выступить за власть Советов.

Литовский и Финляндский полки прислали к нам в «Кресты» делегатов, заявивших, что солдаты займут тюрьму и освободят нас. Это частичное выступление было несвоевременно, и мы отклонили его.

Из «Крестов» коллектив заключенных большевиков напечатал два письма в «Рабочем и Солдате» с призывом к восстанию.

В ночь на 25 октября, когда развернулось восстание петроградских рабочих и солдат под руководством Центрального Комитета во главе с Лениным, Военно-революционный комитет прислал в «Кресты» своих представителей и потребовал от начальника тюрьмы немедленно выпустить всех заключенных большевиков. На рассвете 25 октября мы были на свободе.

Большевиков в то время в «Крестах» было уже немного, так как под давлением большевистского Петроградского Совета и настойчивых требований солдат Временное правительство многих выпустило из тюрьмы ранее. Среди освобожденных Военно-революционным комитетом были товарищи Семен Рошаль и несколько солдат 176-го и 1-го пехотных полков.

Утро, когда мы вышли из тюремных ворот, было серенькое, какое обычно бывает в поздние осенние дни в Петрограде, но нам оно казалось необыкновенно пре-

красным. Прямо из тюрьмы С. Рошаль и я отправились в Смольный, где нас приветливо встретил Подвойский. Мы поступили в распоряжение Военно-революционного комитета.

Смольный в то время был переполнен красногвардейцами, рабочими и солдатами. Восстание уже имело крупные успехи: большевики заняли здания почты и телеграфа, вокзалы, мосты. В казармах и на предприятиях шла лихорадочная работа по формированию Красной гвардии. Новые отряды тотчас же пускались в дело.

Товарищи с радостью сообщили нам, что Владимир Ильич находится сейчас в Смольном и руководит всем движением.

Нам передали, что Дыбенко и Раскольников организуют отряды кронштадтских и гельсингфорских матросов. В Петроград уже идут два крейсера. Начинается окружение Зимнего дворца, где укрылись министры Временного правительства.

Часа через полтора после нашего прихода в Смольный Подвойский, Дашкевич, я и два солдата на автомобиле отправились в казармы Павловского батальона. Казармы были пусты. Большинство солдат отправилось брать Зимний дворец — последний оплот Временного правительства.

В это время Зимний уже удалось окружить, но засевавшие там юнкера, ударницы и офицеры пулеметным огнем отбивали все попытки приблизиться к дворцу. Наш ружейный и пулеметный огонь был для них мало чувствителен, так как они прикрывались баррикадами из штабелей дров. Огонь двух броневых машин, подходящих ближе, по той же причине не имел успеха. Предстояло взять Зимний штурмом.

Чтобы согласовать действия наступавших частей, Подвойский отправился на автомобиле в Петропавловскую крепость. Здесь обосновался штаб для руководства всеми операциями против Зимнего дворца. В комнате коменданта крепости происходило военное совещание перед началом штурма.

На совещании решено было предложить министрам Временного правительства подчиниться Военно-революционному комитету, а войскам, охранявшим дворец, сдать оружие. В случае отказа выполнить это требование решено было взять дворец штурмом.

План штурма был такой: обстрелять юнкеров и ударниц орудийным огнем Петропавловской крепости и, если понадобится, с крейсера «Аврора» и повести колонны на штурм. Между крейсером и штабом установили сигнализацию зажженными фонарями на одной из башен Петропавловской крепости.

Подвойский уехал с докладом в Смольный. Член Военно-революционного комитета вызвал по телефону представителя Временного правительства:

— Вы окружены железным кольцом восставших рабочих и солдат. Десятки орудий крепости и кораблей направлены на вас. Требуем сложить оружие и подчиниться Военно-революционному комитету. В противном случае вы будете уничтожены артиллерийским огнем.

Говорил он коротко и решительно.

Из Зимнего ответили, что Временное правительство не признает власти большевиков, не признает Военно-революционного комитета и добровольно оружия не сдаст.

Из дворца предупредили:

— Знайте, что во дворце находятся раненые и больные с фронта и вы будете виновниками их гибели.

Так Временное правительство, окружив себя юнкерами, офицерами и ударницами, стрелявшими из пулеметов и винтовок, пыталось укрыться за спину раненых в империалистическую войну солдат, чтобы выиграть время и стянуть подкрепления.

Из Петропавловки предложили:

— Даем вам один час для эвакуации из дворца всех раненых и больных солдат в безопасное место. Гарантируем на это время полную безопасность и содействие. После этого начнем военные действия. Если вы не выполните требований, ответственность за последствия падет на вас.

Из Зимнего дворца на это ничего не ответили. Позволили снова. Опять молчание.

Тогда, после пятиминутного обмена мнениями, решено было послать парламентаря в Зимний с письменным ультиматумом. Я написал на листке из полевого блокнота требование немедленной сдачи оружия и подчинения Военно-революционному комитету. Один из находившихся тут же солдат взялся отнести бумагу в Зимний.

Парламентер отправился на автомобиле. Прошел к ударницам, охранявшим дворец, вручил им ультиматум и стал убеждать их выполнить наши требования, но полупьяные ударницы пытались поднять его на штыки. Парламентеру пришлось удалиться.

Через некоторое время мы отправились готовить гарнизон Петропавловской крепости к стрельбе по Зимнему.

Боеспособным оказался только один взвод пулеметчиков 2-го пулеметного полка. Взвод был расположен на стене крепости, прямо против Зимнего дворца. Со стены были видны красный фасад Зимнего дворца и решетка прилегающего к нему сада, за которой торчали жерла двух пушек, направленных на крепость. Взвод пулеметчиков был большевистский. Я указал солдатам цель — в ту сторону дворца, где не было раненых солдат, и пошел осматривать батарею крепости и арсенал.

Батарея крепости была выставлена в выступе стен. Было в ней всего две пушки, да и те без панорам. Мы отправились в арсенал, чтобы выкатить новые орудия. Длинный арсенал крепости был переполнен пушками, но все они не имели необходимых частей. Из двухсот орудий не было ни одного, годного для стрельбы. Орудийный мастер, находившийся в арсенале, объяснил нам, что по приказанию Временного правительства эти части были вывезены из арсенала недели две-три назад. Досадно было смотреть на длинные ряды темных силуэтов бесполезных пушек.

Не лучше было и в казармах. Гарнизон крепости недавно был обновлен Керенским и состоял из артиллеристов, переброшенных сюда, кажется, из Ташкента, где они выполняли роль защитников Временного правительства. Военная организация работала среди них, но всё же за недостатком времени не добилась полного успеха. Правда, накануне переворота солдаты крепости вынесли резолюцию — поддержать Советы. Но резолюцией дело и ограничилось. Когда же настал час решительных действий, они заколебались.

Попытки наших товарищей убедить солдат не имели успеха. Одного взвода 2-го пулеметного полка при таком положении гарнизона было недостаточно. Нужна была артиллерия. Тогда я, связавшись по телефону со Смольным, попросил Военно-революционный комитет

немедленно выслать в крепость артиллеристов с панорамами, а еще лучше с исправными орудиями. Я назвал артиллерийскую дивизию, куда неделю назад Военно-революционный комитет назначил своим комиссаром освобожденного из «Крестов» товарища Р. Северса.

— Пусть Северс даст крепости настоящих большевиков, — просил я у Смольного.

У телефона находился товарищ Свердлов, и он быстро выполнил мою просьбу. Не прошло и часа, как в крепость прибыли большевики артиллеристы.

Орудия быстро приготовили к бою. Этим товарищам уговаривать не приходилось. Они, не задумываясь, разрушили бы до основания дворец, лишь бы добраться до юнкеров и Временного правительства.

Артиллеристы хотели стрелять гранатами, но, по плану штаба, разрушать дворец мы считали возможным только в случае крайней необходимости. Подавить и терроризировать противника, сделать его неспособным к активной защите можно было и без этого. Мы предложили стрелять шрапнелью.

На стене крепости зажгли фонарь — сигнал «Авроре» приготовиться к бою.

— Батарея! Огонь!

Первый залп вверх, а затем — по Зимнему, — так было условлено в штабе.

Темноту ночи прорезали молнии орудийного огня крепости. Ясно можно было наблюдать, как у Зимнего замечались тени. Уверенная прежде, стрекотня юнкерских пулеметов стала теперь прерывистой и редкой. Ружейный огонь смолк. А когда раздался могучий выстрел из тяжелого орудия «Авроры», ответные выстрелы со стороны дворца совершенно стихли.

Наступила напряженная тишина. Первыми сдались ударницы. Продвинувшиеся под защитой броневиков и занявшие к тому времени соседнее с Зимним дворцом здание солдаты, матросы и рабочие бросились на штурм и почти без жертв заняли Зимний, разоружили офицеров и юнкеров.

Через час под конвоем привели в Петропавловскую крепость пленных — министров Временного правительства. Среди них был гладко выбритый, высокий, в английском костюме Терещенко, в новенькой адмиральской форме Вердеревский, сухощавый бородатый Кишкин,

Скобелев, еще несколько других. Керенского не было. Ему удалось бежать из Петрограда.

Министров поместили в просторной комнате с длинными скамьями, помостом и трибуной. Все они заметно волновались, но старались держаться спокойно.

Министрам объявили, что все они арестованы Военно-революционным комитетом за вооруженное сопротивление. Представитель Военно-революционного комитета развернул лист бумаги и, улыбнувшись, сказал:

— Надеюсь, все грамотные, — ну, так распишитесь.

Министры подошли к столу и стали один за другим расписываться.

Арестованных развели по казематам Петропавловской крепости.

Через два часа после ареста Временного правительства глубокой ночью в Петропавловскую крепость привели под конвоем несколько рот разоруженных юнкеров Гатчинского юнкерского училища. Юнкера, свирепо расправлявшиеся с большевиками в июльские дни, сейчас держались смущенно и боязливо пытались оправдаться, что они даже и не знали, зачем их вызвал Керенский.

Они опоздали к защите Зимнего и, когда вошли в Петроград, были окружены солдатами и вооруженными рабочими. Узнав о падении Зимнего, они сдали оружие без боя.

Юнкеров также заключили в крепость, но на второй или на третий день, когда юнкера дали обещание не выступать с оружием против Советской власти, их, по распоряжению из Смольного, выпустили из крепости.

Ночь прошла незаметно. В четыре часа утра я поехал осмотреть Зимний. На набережной перед дворцом ходили с ружьями через плечо патрули матросов. В вестибюле дворца были свалены трофеи — винтовки и пулеметы, отобранные у юнкеров. Обстановка и убранство комнат не пострадали. Охрана дворца уже была налажена.

Выйдя из дворца, я внимательно вглядывался в его фасад и увидел под карнизами крыши и у окна следы разрыва шрапнелей. Часть стекол была выбита пулевым огнем.

Памятуя уроки Парижской Коммуны, участники осады стремились возможно быстрее произвести захват Зимнего. К этому неустанно призывал Владимир Ильич:
«История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все».

